

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 10.

1 ЮЛЯ.

Атлантида

1908

№ 10. 1 Юля.

Содержаніе: Двѣ тучи. Стихотвореніе Н. Новича. — Хаврюша. разсказъ Е. Чирикова. (Окончаніе). — Въ глубь вѣковъ. П. Джунковскаго. (Продолженіе). — Самаркандъ. Н. Тюрина. — Рѣшеніе задачъ. — Ребусъ.

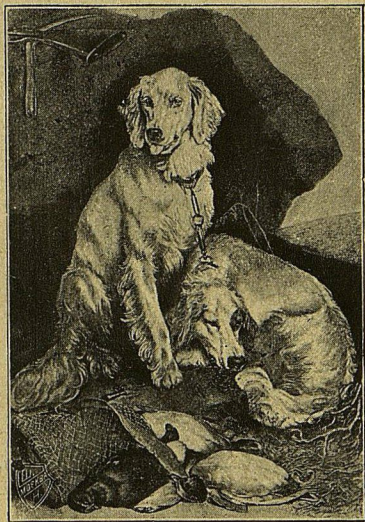
Двѣ тучи.

Изъ Зупанчича.

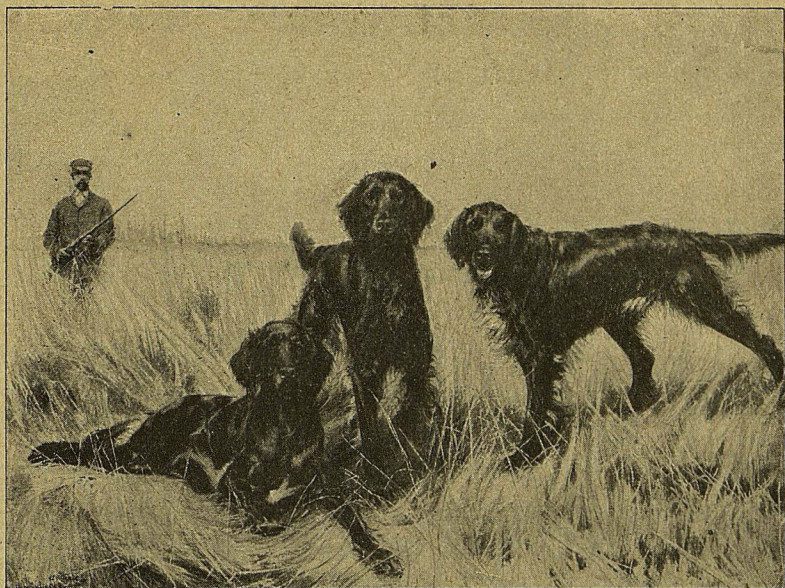
(Со словинскаго).

Дѣти моря голубого,—
Пара тучъ—родныхъ сестеръ,—
Разъ другъ друга повстрѣчали
Высоко надъ кручей горъ.
—Ты, сестра моя, откуда?—
„Видишь ближній горный скать?
Тамъ спустилась я росюю
На цвѣтуцій виноградъ.
Ну, а ты?“—Меня долина
Плодоносная зоветъ:
Молній блескъ туда несу я,
Громъ и града крупный ледъ:

Н. Н. Новичъ.

Хаврюша.

(Окончаніе).

— Ну, а какъ-же?... Если сказать правду, Хаврюшу заколятъ!....—сказалъ я.

— А куда его? Для того и купили, чтобы заколотъ да съѣсть! Вотъ ты будешь скоро именинникъ,—къ тебѣ гости придутъ,—вотъ и зарѣжемъ!

— Больно мнѣ нужно!

— Тебѣ не нужно, такъ гости съѣдятъ!

— Гости! Пусть лучше не приходятъ!

— Не пустимъ гостей!—сказалъ Володя.

— Ты ужъ, пожалуйста, не говори мамѣ съ бабушкой, что это мы устроили на подволокѣ-то!

— Дурачки! Вѣдь не было давно ужъ дождя-то! Откуда она, вода-то, возьмется?

— Бѣдненькій Хаврюша!

— Какое придумали имя-то ему....

— А какъ же?—сказалъ Володя.—У него маму зовутъ Хавроньей, а онъ Хаврюша!..

— У-у, ты, свиное рыло.

И кухарка пихнула Хаврюшу башмакомъ прямо въ носикъ.

О, ужась! вошла бабушка... Мы такъ замерли на мѣстѣ... Что-то теперь будетъ!

— Почему потолокъ промокъ?—спросила бабушка.

— Вонъ они, озорники-то! Все со своимъ поросенкомъ...

— Милая бабушка мы... мы... ему хотѣли устроить лужу... не сердись ужъ: онъ вѣдь не виноватъ, мы сами это...

— А въ чемъ это ты курточку-то новую испачкалъ? а?

— Сама испачкалась...

— Все съ поросенкомъ возитесь.... Будетъ ужъ ему нѣжиться: пора колоть! Завтра пораньше попроси дворника зарѣзать... Надоѣлъ онъ!.. Грязь отъ него одна...

— Бабушка!

— Милая бабушка!..

— Не надо рѣзать!..

— Помилуй его, бабушка!..

Мы съ Володей уцѣпились за бабушкино платье и со слезами умоляли пощадить бѣднаго Хаврюшу.

— Онъ не виноватъ! Милая бабушка!

— Вотъ накажетъ тебя Богъ!... Скажи,—не надо колоть!

— Убирайтесь! Пожилъ, слава Богу! Цѣлую недѣлю прожилъ!.. будетъ ужъ.... Завтра-же утромъ пусть дворникъ зарѣжетъ!..

— Бабушка! Пусть поживетъ хоть до моего ангела!

Гости придутъ!...—просилъ я, глотая слезы и желая хоть еще денька на три сохранить жизнь Хаврюшѣ.

А бѣдненькій Хаврюша ничего не понималъ. Онъ не понималъ, что его собираются зарѣзать и что ему осталось такъ мало прожить на свѣтѣ. Хаврюша стоялъ около ведра съ помоями и старался какъ-нибудь достать ихъ мордочкой.. Только Пегасъ понялъ въ чемъ дѣло. Онъ смотрѣлъ то на бабушку, то на Хаврюшу и тихонько скулилъ. Должно быть и Пегасъ спросилъ бабушку все о томъ-же, о чемъ умоляли ее мы съ Володей...

— Только до моего ангела!... Милая бабушка! Погоди, послушай, что скажу!

— Ну, что еще?

— Ты мнѣ хотѣла подарить на именины турецкій барабанъ... Ну такъ лучше ничего не дари, только не вели завтра колоть Хаврюшу...

— Ну ладно, ладно!.. Тамъ посмотримъ!

И бабушка ушла.

Мы отправились къ мамѣ. Бабушка успѣла уже рассказать про нашу лужу мамѣ и мама встрѣтила насъ сердито:

— Глупости дѣлаете! Надоѣлъ вашъ Хаврюша... Будетъ ужъ, надо заколотъ!

Долго мы умоляли маму. Пришелъ Пегасъ и тоже ластился къ мамѣ. Вѣрно, и онъ упрасивалъ ее. Но мама была неумолима.

— Идите въ дѣтскую! Не мѣщайте мнѣ шить!

Богъ помогъ Володѣ, какъ спасти Хаврюшу.

— Если-бы меня велѣли заколотъ,—тебѣ было-бы жалко? да? А Хаврюша—маленькій и у него есть мама Хаврюня!—сказалъ Володя.

Мама захохотала, поцѣловала Володю и сказала:

— Ну, пусть подаждутъ колоть! Успѣемъ...

— Конечно, успѣемъ, мамочка! Пойдемъ, Пегась! Идемъ, Володя!

Мы всѣ радостно выбѣжали отъ мамы и опять направились въ кухню:

— Радуйся, Хаврюша! Мама помиловала тебя!

— Давай, обмоемъ Хаврюшу! видишь, какой грязный!

Хаврюша не давался, но мы таки вытерли его тряпкой, а Пегась облизалъ его. И опять настали радостные дни. Хаврюша жилъ попрежнему на подволоѣ, но иногда вечеромъ мы перетаскивали его къ себѣ въ дѣтскую и укладывали спать подъ кроватью. У меня подъ кроватью стояла корзинка; вытащили старый Варенькинъ тюфячекъ изъ колясочки и устроили постель для Хаврюши. Одинъ разъ Хаврюша ночевалъ со мной на кровати. Днемъ Хаврюша любилъ спать около Пегаса. Пегась ляжетъ на бокъ, протянетъ заднія лапы, а Хаврюша заберется ему подъ самое брюхо и уткнется мордочкой въ шерсть. И оба такъ сладко спятъ, что будить ихъ жалко!...

— Вишь какъ дружно живутъ!—говорила бабушка и ставила ихъ въ примѣръ намъ съ Володей:

— Не ссорятся, не дерутся... Кабы вы, братья, такъ между собой жили!...

Прошла еще недѣля. Хаврюша хорошо кушалъ, подросъ и сдѣлался такой кругленькій. Выросла на немъ побольше шерсть, такая ровная, гладенькая, а на спинкѣ стала расти щетинка, красивая, вся изъ одинаковыхъ серебристыхъ иголочекъ... Мы часто брали Хаврюшу на руки и разсматривали у него ножки съ копытцами, хвостикъ, уши. Копытца были у него изъ двухъ половинокъ, а въ ушахъ росли волосы, какъ у папы въ носу. Глазки были маленькіе и веселенькіе, словно все смѣялись, а зубки—востренькіе...

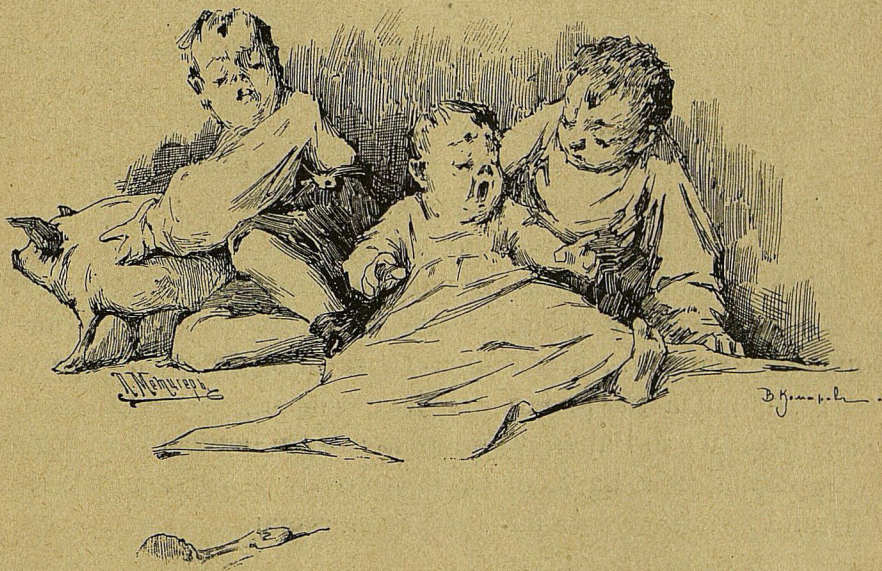
Вотъ, одинъ разъ мы сидѣли на полу въ дѣтской и по-

дробно разсматривали, какъ устроены у Хаврюши носикъ съ пяточкомъ, ротикъ и губы. Подползла къ намъ Варенька и сказала:

— Ля-ля! Гу-гу! ляля!

И ткнула Хаврюшѣ пальчикомъ въ ротъ. А Хаврюша, видно, разсердился, что ему лѣзутъ въ ротъ прямо руками, и укусилъ Варенькѣ пальчикъ. Да до крови!... И случилась опять бѣда! такая бѣда, что и рассказать невозможно... Варенька широко раскрыла ротъ и такъ заревѣла, словно у ней совсѣмъ откусили палець...

— Не плачь!... Сахару дамъ!...—уговаривалъ я сестренку и дулъ ей на пальчикъ. А она не переставала.

Прибѣжала мама и схватила на руки Вареньку. Мама очень испугалась.

— Что вы съ ней сдѣлали?.

— Ничего... Плакса она!—сказалъ Володя... Но мама увидѣла кровь на пальчикѣ у Вареньки и испугалась еще больше.

— Кто ее?... Что это?

— Ля-ля!—кричала Варенька и показывала ручкой на Хаврюшу.

— Поросенокъ! Ее укусилъ поросенокъ?...

Мы потупились и молчали. Что было сказать мамѣ? Врать не хотѣлось.

— Она сама... плакса!... лѣзетъ, а потомъ реветъ...

— Поросенокъ ее?—сердито спрашивала мама...—Говорите-же!

— Ля-ля.....—кричала Варенька и продолжала показывать ручкой на Хаврюшу.

— Развѣ свинья кусается, мама?

— Да ты говори, о чемъ я тебя спрашиваю?

— Свиньи вовсе не кусаются.

— Не заговаривай мнѣ зубы!

Мама шлепнула меня рукой по затылку и пошла въ кухню... Зачѣмъ она пошла туда? Что она тамъ кричитъ и говорить кухаркѣ?... Мы притихли и даже боялись слушать, о чемъ говорила мама. Но мы чувствовали, что дѣло очень плохо, потому что Варенька не унималась и ревѣла все громче.

— Ахъ, Хаврюша, Хаврюша! Что ты, дурачекъ, надѣлалъ!...

Пришла изъ кухни кухарка и сказала:

— Гдѣ онъ, проклятый?!

— Кто?—спросилъ я и прикрылъ Хаврюшу рубашечкой.

— Да поросенокъ-то? Мамаша велѣла отобрать! Гдѣ онъ?

Кухарка ходила по комнатамъ, а мы съ Володей сидѣли, какъ куклы: не шевелились.

— Пегась! Гдѣ у насъ паросенокъ-то? Залѣзъ куда-нибудь...—ворчала кухарка въ дѣтской и заглядывала подъ

кровати, за комодъ, за сундукъ... Надо-бы намъ убѣжать и спрятать куда-нибудь Хаврюшу, а мы такъ перепугались, что застыли на мѣстѣ... Кухарка вернулась обратно и прошла было мимо насъ, да оглянулась. А Пегась стоялъ около меня, вертѣлъ хвостомъ и нюхалъ. И кухарка догадалась.

— У тебя онъ? въ подолѣ?

— Да нѣтъ же!

— Ну-ка встань!

— Не хочу я вставать! Сидѣть хочу!

Кухарка ткнула мнѣ въ рубашку и Хаврюша хрюкнулъ....

— Эхъ, Хаврюша, Хаврюша! Зачѣмъ ты, дурачекъ, хрюкнулъ?! Кухарка схватила Хаврюшу. Мы съ Володей не давали. Но кухарка была сильнѣе: вырвала у насъ Хаврюшу и потащила его въ кухню.

— Отдай! Куда ты его?...

— Заколоть его надо!...

— Мама велѣла подождать до моего ангела!

— Нечего ждать!.. завтра утромъ колоть приказано...

Мы подошли къ куханной двери и хотѣли опять умолять маму, но какъ только она увидала насъ, закричала „убирайтесь!“ и захлопнула дверь въ кухню...

Значить, все кончено!... Не спасешь Хаврюшу!...

Мы съ Володей долго стояли около кухонной двери и съ ужасомъ прислушивались, о чемъ говорили въ кухнѣ. Пришла бабушка:

— Вы что тутъ болтаетесь? Кышъ!

— Милая бабушка! Помогите намъ!

Я объяснилъ бабушкѣ въ чемъ было дѣло, но бабушка и слушать не хотѣла:

— Будетъ, будетъ.... пожилъ онъ на свѣтѣ довольно! Уходите прочь!...

— Хоть до моего ангела!

— Твой ангелъ черезъ мѣсяцъ. Если ждать твоего ангела, такъ не Хаврюша, а Хавронья будетъ!

И бабушка исчезла въ кухнѣ... О чемъ онѣ тамъ говорятъ?... О, ужасъ!...

— Завтра пораньше попроси дворника зарѣзать! Палить умѣешь?

— Могу.

— Хорошенько опали, чтобы ни одного волоса не попало въ кушанье!

— Слушаю, барыня! Постараюсь!

— Слышишь, Володя?

— Слышу.

— Зарѣжутъ нашего Хаврюшу....

— А какъ, барыня, приготовить-то его?—спросила кухарку маму.

— Зажарить съ гречневой кашей...

— Боже мой! Я отлично зналъ смыслъ этихъ словъ и содрогнулся отъ ужаса! Вѣдь это значило, что Хаврюшѣ разрѣжутъ животикъ и набьютъ туда гречневой каши... Слезы подступили къ моимъ глазамъ и я убѣждалъ въ дѣтскую, чтобы не слушать больше этого страшнаго разговора. Здѣсь никого не было и можно было поплакать. Я спрятался въ уголокъ за шкафомъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, потихоньку хныкалъ. Пришелъ Володя и шепотомъ сказалъ:

— Гдѣ ты? Я придумалъ!

Не хотѣлось мнѣ выходить изъ-за шкафа съ мокрыми глазами, но я не вытерпѣлъ:

— А?

Володя понялъ, что я за шкафомъ и подошелъ. Я не смотрѣлъ на Володю, но мнѣ очень хотѣлось поскорѣе узнать, что придумалъ Володя.

— Ну! Говори!

— Давай выпустимъ Хаврюшу на улицу! Пусть онъ убѣжитъ, куда хочетъ....

— У-у! Я думалъ, что ты другое...

— А что-же? Пускай убѣжитъ!

— Люди поймаютъ его!

— А все-таки останется живъ...

— Съѣдятъ его люди!—угрюмо сказалъ я.

— А, можетъ быть, и не съѣдятъ! Ты почему знаешь?

— Да ужъ знаю... Откуда-же тогда берутся большія свинья?

Этотъ вопросъ поставилъ меня въ затрудненіе. Дѣйствительно, если-бы съѣдали всѣхъ поросятъ, то не было-бы на свѣтѣ большихъ свиней...

— Можетъ быть, его поймаютъ добрые и не заколютъ!—говорилъ Володя.

— А какъ мы его выпустимъ?

— Утащимъ у кухарки и унесемъ на улицу....

— А мама? Она задастъ! И бабушка тоже!..

— Не бѣда! Чего сдѣлаютъ? Пускай ставятъ въ уголъ носомъ! Постоимъ, а за то...

— А розгами?

— Папа не велитъ розгами. Онъ велитъ только въ уголъ носомъ...

— Бабушка не послушаетъ и папу!..

— Скажемъ, что я выпустилъ... Меня не будутъ розгами: я—маленькій....

— Ну ладно!—согласился я и, улыбаясь, вытеръ кулакомъ слезы.

Стоя въ уголкѣ, мы шепотомъ совѣщались, какъ намъ устроить все это дѣло. Надо было торопиться, потому что завтра рано утромъ хотятъ заколотъ Хаврюшу. А времени осталось уже мало: скоро придетъ со службы папа,—будутъ

обѣдать, потомъ скоро—чай пить, а тамъ немного погода и спать...

— А ночью?—спросилъ Володя.

— Ночью страшно итти на подволоку... Темно тамъ...

— Темно-то не бѣда, а вотъ, можетъ быть, тамъ баба-яга живетъ!—сказалъ Володя.

— Это все глупости: никакой бабы-яги на свѣтѣ не бываетъ!...

— А ты почему знаешь?

— Знаю ужъ!..

— По твоему и чертей не бываетъ?—спросилъ Володя.

— Не бываетъ!..

— У тебя все не бываетъ... А вдругъ изъ-за трубы-то и выглянетъ!...

— Ничего не выглянетъ! Спроси у папы: онъ говоритъ, что никакихъ чертей нѣтъ, а это только врутъ все... Долго мы обсуждали, какъ лучше устроить и рѣшили такъ: послѣ обѣда, когда папа ляжетъ спать, а бабушка сядетъ штопать чулки, пусть Володя попроситъ маму итти съ нимъ гулять; когда они уйдутъ гулять, я буду смотрѣть, не уйдетъ-ли куда-нибудь кухарка: въ лавку или въ другое мѣсто, и какъ только кухарка уйдетъ,—я утащу Хаврюшу и унесу его черезъ задній дворъ на улицу и выпущу на волю... Если кухарка никуда не уйдетъ, рѣшили встать ночью, потихоньку пробраться на подволоку и похитить Хаврюшу; ночью его можно выпустить съ параднаго крыльца...

— Можетъ быть попросить еще папу, чтобы не убивали Хаврюшу?—спросилъ Володя.

— Нечего просить!.. Папа сердитый и очень любитъ ѣсть поросенка съ кашей....

— Думаешь,—не помилуетъ?

— Нѣтъ. Мама добрее и то не хочетъ помиловать...

- Да, лучше выпустить!..
— Кухарку будутъ бранить...
— Ну такъ что? Что важнѣе: что-бы не бранили кухарку, или чтобы не зарѣзали Хаврюшу?
— Хаврюша важнѣе...
— То-то и есть!
— Знаешь, что?..
— Что?
— На подволоку можно залѣзть: окошко есть, а рамы тамъ нѣтъ. Можно подставить лѣстницу...
— Увидятъ... Дворникъ увидитъ...
— Скажемъ, что такъ... играемъ...
— Дворникъ не велитъ на крышу лазить...
— Пускай! я полѣзу.

Отпросились у мамы гулять на дворъ. Осмотрѣли мѣстность. Лѣстница была, только стояла не въ томъ мѣстѣ и была очень тяжелая. Попробовали перетащить,—мало силы! Но пришелъ гимназистъ Вася и помогъ намъ... Подвинули лѣстницу къ окошку и я полѣзъ. Было страшно, потому что лѣстница тряслась. Но, слава Богу, долѣзъ до самого окна. Заглянулъ: сразу показалось очень темно, а потомъ посвѣтлѣе; стало видно трубу, веревки для бѣлья... А вонъ и Хаврюшинъ домикъ!

— Хаврюша!—прошепталъ я и сталъ потихоньку хрюкать. Молчить! Должно быть, думаетъ, что—чужіе. Похрюкалъ еще,—не отвѣчаетъ. Влѣзъ въ окошко и сталъ потихоньку пробираться къ Хаврюшину домику... Что за диво?... Нѣтъ Хаврюши. Осмотрѣлъ всѣ закоулочки,—нигдѣ нѣтъ... Вотъ тебѣ и разъ!... Потихоньку сталъ пробираться назадъ,—слышу на дворѣ ругается дворникъ. Что случилось тамъ? Гляжу въ окошечко, стоитъ дворникъ и кричить.

— У меня не трогать лѣстницу! Уши надеру!

Посмотрѣлъ—нѣтъ лѣстницы: убрали! Вздрогнулъ даже, когда посмотрѣлъ изъ окошка на землю.

Гимназистъ стоялъ вдали и бранился съ дворникомъ, а Володи не было: должно быть, онъ испугался и убѣжалъ... Что-же дѣлать? Дверь въ кухню заперта, а лѣстницы нѣтъ. Закричать на дворъ въ окошко или стучаться въ кухню?

— Дворникъ! Дай лѣстницу, а то какъ-же я слѣзу?...

— Залѣзь, такъ и сиди!

— Какъ ты смѣешь?

— Не лазай другой разъ!... Посиди да подумай, какой ты озорникъ....

— Смотри: я спрыгну и ушибусь до смерти!

— Прыгай!

— Умру, тогда папа тебѣ задастъ!

— Не умрешь!....

Ушелъ куда-то дворникъ. Надо стучаться. Ничего не подѣлаешь. Будутъ бранить... А главное: спросять, зачѣмъ полѣзъ... Какъ сказать?... Пожалуй, догадаются, что хотѣлъ утащить Хаврюшу. Осторожно спустился я по лѣстницѣ и приложилъ къ двери ухо. Слышу кто-то шевыряется у замка.

— Ты, Володя?

— Я!...

— Отопри скорѣй!

— Да ключъ-то у кухарки!..

— Ну, поймали насъ! Бранится бабушка... Значить, нечего больше скрываться!

— Бабушка! Кто меня заперъ? Отопри!

— Какъ онъ залѣзъ туда? Зачѣмъ? Вѣрно думалъ, что поросенокъ на подволокъ...

— Ничего не думалъ.... Отопри-же!

— Ну и сиди! Сиди, пока отецъ не придетъ... Пусть онъ тебя и выпуститъ....

Я заплакалъ и сталъ колотить ногой въ дверь.

— Не дури!

— Выпусти! А то не перестану стучать, а буду все сильнѣе!

— Вотъ я тебѣ задамъ! Выпорю!

Забрякала замокъ и дверь растворилась. Бабушка хотѣла поймать меня за ухо, но ей это не удалось: я проскочилъ у ней подъ рукой и выбѣжалъ изъ кухни.

— Вотъ отецъ придетъ, онъ тебѣ... Не получишь нынче малины съ молокомъ!

— И ненадо!

— А я ему половину своей отдамъ...—сказалъ Володя.

— Ну такъ и ты ничего не получишь!

— И ненадо!

Мама неособенно разсердилась. Она была рада, что у Вареньки прошелъ пальчикъ и только улыбалась, когда бабушка рассказывала ей, какъ я очутился на запертой подволокъ.

— Скажи: зачѣмъ ты залѣзъ?

— Играть.

— Не ври! Ты думалъ, что тамъ Хаврюша...

— Ну и думалъ... А гдѣ онъ, мама?

— Не скажу!

— Скажи! Мы только погладимъ его! Мама!

Мы стали приставать къ мамѣ и она сказала, что Хаврюша запертъ въ чуланъ подъ лѣстницей:

— Позволь намъ поиграть съ нимъ!

— Будетъ! Завтра его кушать будемъ...

— Позволь! Въ послѣдній разъ! Надо-же проститься!

— Нечего прощаться!..

— Вотъ ты какая нехорошая... Неужели тебѣ не жалко Хаврюшу?...

- Жалко, да что-же дѣлать, голубчикъ?...
— Пусть поживетъ до моего ангела....
— Нѣтъ! нельзя.... Папа хочетъ поросенка съ кашей...
— Купи другого!
— И другого будетъ такъ же жалко, какъ этого...
— Нѣтъ. Намъ только Хаврюшу жалко... Хаврюша такой хорошенькій... Любитъ насъ...
— И мы его любимъ... Очень любимъ!... сказалъ я.

Звонокъ оборвалъ наши разговоры: это папа пришелъ со службы. Сердитый пришелъ. Нечего и просить. Сталъ браниться, что не накрыли стола къ обѣду. Онъ очень хотѣлъ кушать.

- Поросенка зажарили?—спросилъ папа.
— Нѣтъ... Завтра ужъ!...
— А я просилъ—сегодня!
— Завтра непременно зажаримъ!...
— Съ кашей! Побольше масла... Чтобы зарумянилась кожа, подсохла немного!..

— Онъ, папа, маленькій очень. Лучше-бы дать ему пожить, чтобы выросъ побольше. А то мало у него мяса....— попробовалъ я спасти Хаврюшу.

- Маленькій вкуснѣе! Ничего ты не понимаешь...

Я вздохнулъ и ушелъ въ дѣтскую. Не спасешь Хаврюшу!... Увидаль подъ своей кроватью корзинку, въ которой спалъ нѣсколько разъ Хаврюша, и такъ мнѣ сдѣлалось жалко, что слезки выступили на глазахъ.

— Ахъ, папка! Злой ты какой! Тебѣ-бы только съѣсть Хаврюшу!—сказалъ я и очень разсердился на папу.

Послѣ обѣда, когда папа легъ спать, Володя сталъ звать маму гулять.

- Гуляй одинъ!
— Я съ тобой хочу....

- Куда-же мы пойдѣмъ?
- Такъ, по улицамъ...
- Не хочется, голубчикъ.
- Пойдемъ со мной!—предложила бабушка.
- А ты куда?
- Къ вечернѣ...
- А мама?
- Я останусь дома.
- А кухарка? Она пойдетъ куда-нибудь?
- А зачѣмъ тебѣ это знать?
- Надо!

Какой глупенькій Володя! Зачѣмъ было спрашивать про кухарку?... Догадаются вотъ!

Володя ушелъ съ бабушкой, а я остался... И кухарка куда то ушла, да бѣда была въ томъ, что чуланъ былъ запертъ на замокъ, а ключъ былъ у мамы. Постоялъ я около чулана, послушалъ и позвалъ Хаврюшу. Услыхалъ! Хрюкаетъ!... Миленькій! Экая досада! Такъ-бы сломалъ дверь и выпустилъ Хаврюшу.... Взялъ палочку, всунулъ подъ дверь, искалъ ей Хаврюшу. Да что толку? Проклятая дверь! Стукнулъ въ нее каблукомъ. Что-то упало съ полки въ чуланъ... Убѣжалъ. А время шло и шло... Въ столовой уже приготовляли столъ къ чаю. Папа проснулся и умывался, плескаясь водой... Вернулись бабушка съ Володей...

- Ну что?—шепотомъ спросилъ у меня Володя.
- Не удалось!
- Эхъ ты!...
- Запертъ чуланъ, а ключъ у мамы...
- Утащилъ бы!—сказалъ Володя.
- Ай-ай!... Развѣ можно?...
- Сказалъ-бы, что я... Меня нельзя розгами: я—маленькій!..

Напились чаю. Стало темнѣть на улицѣ, и все меньше оставалось жить на свѣтѣ нашему Хаврюшѣ. Какъ только пробьютъ часы, у меня вздрогнетъ сердце, потому что еще прошелъ часъ Хаврюшиной жизни. Принесли зажженную лампу. Велѣли уходить въ дѣтскую... Папа сѣлъ заниматься и запретилъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ. Пошелъ дождикъ. На дворъ больше не пустили. Мы сидѣли съ Володей въ дѣтской и смотрѣли на дворъ.. Намъ было очень скучно и хотѣлось плакать. А дождикъ все шумѣлъ по крышамъ и ручейками сбѣгалъ по окошку. Опять пробили проклятые часы...

— Ложитесь!—сказала бабушка.

— Не хочется...

— Какъ это не хочется? Девять пробило... Я вотъ позову отца!..... Идите прощаться съ родителями!

Пошли прощаться съ папой и мамой. Хотѣлъ я еще послѣдній разъ попросить папу о Хаврюшѣ, но папа писалъ и у него было очень сердитое лицо. Такъ я и не рѣшился. Когда мы прощались съ мамой, я подтолкнулъ Володю локтемъ, чтобы онъ началъ разговоръ.

Мы не уходили.

— Ну, идите!

— Мамочка! Позволь проститься съ Хаврюшей!...

— Вотъ придумали!

— Вѣдь завтра ужъ... не увидимся съ нимъ...

— Никогда не увидимся!—сказалъ я, заплакалъ и убѣждалъ...

Не пустили проститься съ Хаврюшей. Мы раздѣлись и улеглись, но очень долго не спали. Мы все слушали, какъ шумитъ дождикъ по крышѣ, какъ со звономъ вода стекаетъ по сточнымъ трубамъ и какъ папа считаетъ на сче-

тахъ... Лампадка горѣла въ углу передъ Богомъ, и на потолкѣ былъ свѣтлый кружечекъ отъ нея...

— Спишь? спросилъ Володя.

— Нѣтъ! а ты?

— И я—нѣтъ...

— Я знаю про что ты думаешь!

— Про что?

— Про Хаврюшу!

— Да! А ты?

— И я тоже.

Мы замолчали. Потомъ Володя присѣлъ на кроваткѣ и спросилъ:

— А что, Богъ можетъ спасти Хаврюшу, если ему помолиться хорошенько?

— Навѣрно, можетъ!...

— Вѣдь Богъ все можетъ? Бабушка говоритъ, что Онъ все можетъ сдѣлать, все, что угодно!..

— Да, если захочетъ...

— Давай-попросимъ!—сказалъ Володя.

— Давай!...

Мы присѣли на кроватяхъ и стали молиться и просить, но не вслухъ, а про себя. Я уже кончилъ, а Володя все молился и шепталъ что-то. Потомъ мы опять долго молчали. Я все думалъ, какъ можетъ Богъ спасти Хаврюшу, если ключъ отъ чулана у мамы,—какъ вдругъ Володя сѣлъ въ кроваткѣ и спросилъ:

— А у Хаврюши есть душа?

— Не знаю!..

— Навѣрно, есть!...

И опять легъ... И опять мы молчали... Еще разъ громко пробили часы,—и опять мнѣ стало такъ жалко Хаврюшу, что я ткнулся лицомъ въ подушку и потихоньку заплакалъ.

И больше я уже не слыхалъ, какъ бьютъ часы. Вѣрно, уснулъ...

Утромъ я проснулся первый. Былъ яркій такой солнечный день. Дождикъ хорошо вымылъ дворъ, дома, камешки, листочки на деревьяхъ за заборомъ. Все было свѣтлое, чистое, веселое такое. Въ церкви звонили къ ранней обѣднѣ и гдѣ-то кудахтала курица. „Вѣрно, снеслась курица!“—подумалъ я и вдругъ вспомнилъ про Хаврюшу... И мнѣ стало страшно думать про Хаврюшу и захотѣлось, чтобы Володя не спалъ.

— Володя! Курица кудахчетъ какъ на дворѣ! Слышишь?

Володя не просыпался. Тогда я подбѣжалъ къ нему и потрогалъ его за ногу, которая выставилась изъ-подъ одеяла. Володя поджалъ ногу, но все-таки не проснулся. Тогда я сердито дернулъ его за руку и громко сказалъ:

— Спи! спи! А Хаврюшу зарѣзали!...

Володя раскрылъ глаза и зажмурился отъ свѣту.

— Чего спишь? Проспали Хаврюшу-то!

Тогда Володя заморгалъ глазами, сѣлъ въ постели и началъ чесать себѣ обѣими руками затылокъ. Я еще разъ сказалъ то-же самое,—и тогда Володя спрыгнулъ съ кровати и началъ быстро надѣвать чулочки. Мы кое-какъ одѣлись, не застегнули даже башмаковъ, и потихоньку вышли изъ дѣтской. Было тихо въ комнатахъ, только въ столовой кухарка брэнчала чайной посудой... Мы подошли къ двери въ кухню и остановились. Страшно было намъ войти въ кухню.

— Иди!

— Иди ты впередъ!

— Боюсь!

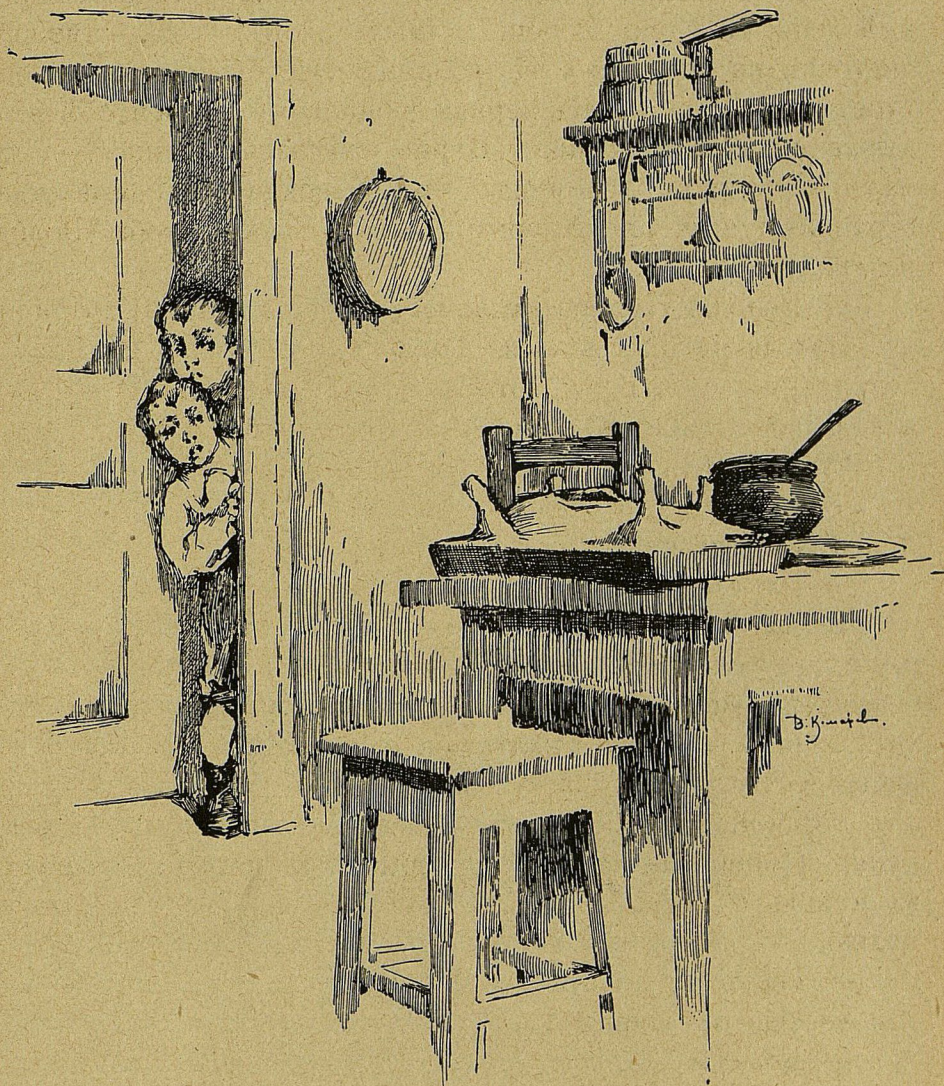
— И я!

— Думаешь, убили?

— Навѣрно!..

— А, можетъ быть, Богъ спасъ...—сказалъ Володя, пере-

крестился и пріоткрылъ дверь въ кухню.

— Казнили!—сказаль онъ и быстро затвориль дверь.

— Тамъ?

— На столъ!..

— Мертвый?

— Мертвый!..

Меня тянуло войти въ кухню и посмотрѣть на мертваго Хаврюшу, но было страшно туда итти.

— Что вы тутъ толчетесь?—спросила кухарка, проходя въ кухню.

— Закололи? да?

— Закололи, голубчики... До смерти жалко и самой-то мнѣ... Поглядите! Тепленькій еще!..

Кухарка ушла.

— Иди посмотри!

— Не хочу...

— И я...

— А-а! слезки!

— А у самого-то?..

Мы разошлись въ разныя стороны и перестали говорить про Хаврюшу. Но мы не переставали думать о немъ,—и оба были невеселые. Не хотѣлось идти на дворъ играть, не хотѣлось пить чай съ хлѣбомъ и здороваться съ папой и мамой...

— Пегасикъ! Нѣтъ у насъ Хаврюши! убили его!—жаловался я Пегасу, когда онъ, грустный, пришелъ къ намъ въ дѣтскую.

Пегасъ опустилъ хвостъ и голову. Я обнялъ его за шею и поцѣловаль въ морду... Пегасъ лизнулъ меня, всталъ посреди комнаты и задумался. Потомъ онъ покружился на мѣстѣ, легъ и вздохнулъ, положивъ морду на переднія лапы. Тянулся день, длинный и скучный и опять били проклятые часы... „Донъ! донъ! донъ!“ Три часа... Вчера, когда часы

били три раза, Хаврюша еще былъ живъ, а теперь нѣтъ его... И завтра будутъ бить три часа, и послѣ завтра, и всегда... всегда! А Хаврюши никогда не будетъ на свѣтѣ...

Пришелъ папа со службы. Позвали обѣдать.

— Не хочется, мамочка!..

— Папа сердится!.. Идите!

— А мы не пойдемъ!—хмуро сказалъ Володя.

— Ну останетесь безъ обѣда!.. А сегодня поросеночекъ съ кашей.

— И ненадо! Ъшь сама!

— И малина со сливками!

— Ненадо!..

Мы не пошли обѣдать... Мы боялись увидеть жаренаго Хаврюшу съ распоротымъ брюшкомъ, набитымъ кашей... Мы вылѣзли черезъ окошко на дворъ и тамъ, около сарая, плакали о Хаврюшѣ. Когда все кончилось, мы пошли домой черезъ кухню. Лучше бы не ходить!..

Кухарка мыла посуду, а Пегасъ жадно ѣлъ косточки, такъ что онѣ трещали у него на зубахъ... Сперва я не догадался, что ѣстъ Пегасъ, но когда увидалъ Хаврюшинъ хвостикъ, то понялъ...

— Скверный ты песъ! гадкій! Володя! Онъ ѣстъ Хаврюшу!.. Всѣ вы гадкіе! всѣ! и ты, кухарка!

— А мнѣ, думаешь, самой не жалко?

— Скажешь—не ѣла?

— Ёла!.. Чего ужъ!.. А какъ жарила, такъ поплакала...

Пегасъ подошелъ ко мнѣ и замахалъ хвостомъ, но я пнулъ его ногой:

— Пшелъ!.. Хаврюша любилъ тебя, а ты... ахъ ты, негодный песъ!..

— Только папаша и кушали... Мамаша не могли... А бабушка и поѣла бы, да зубовъ нѣтъ!

— Всѣ вы гадкіе! Не люблю васъ!—закричалъ я и убѣжалъ опять на дворъ.

Пришелъ Володя.

— Вотъ бабушка говорила, что Богъ все можетъ... А Хаврюши нѣтъ на свѣтѣ...

Вечеромъ, когда бабушка пришла укладывать Володю,—онъ сказалъ ей:

— Наврала ты, бабушка.

— Чего я тебѣ наврала?

— А про Бога-то?.. Говорила, что Онъ все можетъ...

— Ну!

Володя разсказалъ, какъ мы молились и просили Бога спасти Хаврюшу. Бабушка разсердилась и сказала:

— И молиться за поросенка грѣхъ! Будетъ Богъ обращать вниманіе на свиней... Онъ съ людьми-то, поди, устааетъ, не успѣваетъ...

— А ты говорила, что Богъ всѣхъ любитъ?.. и людей, и звѣрей?..

— Молчи! Сами вы еще поросята, а туда же про Бога разговаривать!..

— Теперь не буду тебѣ вѣрить!..

— Молчать!..

— Врунья!

Бабушка подошла и нашла Володю. Володя началъ плакать и бранить бабушку. Я заступился за Володю.

— Злая ты, а еще бабушка!—крикнулъ я.

И меня нашла бабушка. И оба мы лежали въ кроватяхъ и долго плакали... Про бабушку я давно забылъ, но не могъ остановиться, потому что мнѣ было жалко Хаврюшу... „Хаврюша! Хаврюша! Милый, бѣдный нашъ Хаврюша!“—шепталъ я.—„Никогда больше не увидимся, никогда!“

Евгеній Чириковъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственные приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

Курцъ на ходу обернулся къ Іогану и, на этотъ разъ хотя и строго, но уже по нѣмецки отвѣчалъ.

— Любезный другъ, въ наши времена люди, конечно, не умѣютъ дѣлить день на часы, совѣтую вамъ больше приспосабливаться къ обстоятельствамъ,—берите примѣръ съ меня, вы видите что передъ вами нѣтъ болѣе профессора Курца.. Увы! съ этими словами высокая фигура дяди Карла дѣйствительно скрылась отъ взоровъ его друзей, такъ какъ, запуставшись въ предательской лѣнѣ, онъ стремглавъ полетѣлъ въ густую папоротниковую заросль, изъ которой ему съ большою поспѣшностью и даже съ заботой помогъ подняться его „ископаемый другъ“, онъ даже съ удивленіемъ оглянулся на остальныхъ спутниковъ, среди которыхъ послышался сдержанный смѣхъ по адресу ученаго мужа.

— Эге, сказалъ Бруно, замѣтившій это удивленіе, посмотрите—ка, господа, здѣсь, кажется, не принято смѣяться въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ видите, дорогой Іоганъ, у этихъ людей, если только къ нимъ поприсмотрѣться, найдутся, пожалуй, и другія достоинства кромѣ вегетаріанства.

— Ахъ, Бруно, все это очень можетъ быть, отвѣчалъ Іоганъ, путавшійся короткими ногами въ листьяхъ своей растительной юбки, но что касается до вегетаріанства, то я скажу, что оно,—какъ и все, хорошо въ мѣру. Плоды сегодня, плоды завтра... это, при всемъ моемъ знаніи дѣла, не

даетъ возможности уйти дальше компота, а вѣдь это, согласитесь, только конецъ хорошаго обѣда.

Мысль эта, повидимому лишила его значительной части бывшей у него въ запасѣ энергіи, такъ какъ онъ мало-помалу отсталъ и одиноко плелся сзади, чѣмъ и воспользовались оба брата, чтобы серьезно обсудить свое положеніе

— Послушай, Бруно, я рѣшительно нахожу наше положеніе очень опаснымъ, хотя и не хочу говорить объ этомъ ни Югану, ни дядѣ. По-моему, добраться до нашей пещеры вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Тѣ четыре-пять миль, которыя отдѣляютъ насъ отъ нее, при обыкновенныхъ условіяхъ представляютъ конечно не болѣе какъ прогулку, но въ тѣ времена, которыя намъ приходится переживать теперь,—это цѣлое путешествіе, преисполненное тысячами опасностей, грозящими путнику на каждомъ шагу.

Самаркандъ.

Историческіе памятники.

Навѣрное нѣкоторымъ изъ васъ удавалось побывать въ Третьяковской картинной галлерей въ Москвѣ. Если не были и живете въ Москвѣ, то совѣтую непременно попросить, чтобы васъ туда свозили. Въ этой картинной галлерей, очень большой и интересной, нѣсколько комнатъ заняты картинами Верещагина. На этихъ картинахъ вы увидите отчасти, какъ жили люди въ Туркестанѣ при Тамерланѣ, отча-

сти во всей красотѣ тѣ самыя мадресѣ и мечети, которыя теперь разрушены или временемъ, или землетрясеніями или же русскими пушками при взятіи Самарканда. Также вы увидите на картинахъ отдѣльные случаи изъ войны во время покоренія русскими Туркестана. Наконецъ, вы увидите всю яркость красокъ изразцовъ, которыми сплошь были украшены мечети. Конечно, въ Самаркандѣ теперь вы увидали бы подлинныя мечети, которыя были построены триста, четыреста, пятьсотъ и болѣе лѣтъ назадъ, но онѣ теперь или почти совсѣмъ или отчасти разрушены.

По картинамъ Верещагина вы себѣ ясно представите людей населяющихъ теперь Туркестанъ, ихъ пестрыя и яркія одежды. На этихъ картинахъ вы увидите и полумракъ внутренности мечети, и яркое солнце Туркестана, которое понять и представить можно только побывавъ на югѣ.

Вы увидите ужасныя темницы-колодцы, въ которыя опускали осужденныхъ на веревкѣ. Изъ этихъ темницъ уже не было возврата подъ яркое солнце, подъ голубое небо: люди тамъ погибали и отъ сырости, и отъ голода, и отъ множества насѣкомыхъ.

Передъ вами ясно встанетъ картина жестокости нравовъ, когда вы увидите на древнемъ Регистанѣ ряды шестовъ и на нихъ головы казненныхъ плѣнниковъ.

Вообще, вы довольно ясно представите себѣ жизнь въ Туркестанѣ до прихода русскихъ.

Вотъ я теперь и хочу рассказать вамъ объ этихъ мадресѣ и мечетяхъ.

Когда смотришь на изразцы, которые сверкаютъ, точно они только что вышли изъ подъ рукъ мастера или когда голубые изразцы сливаются своимъ цвѣтомъ съ небомъ, удивляешься искусству мастеровъ, которые ихъ сдѣлали; когда смотришь на громадныя башни, которыя стоятъ, не смотря на землетрясенія, удивляешься зодчимъ ихъ строившимъ. Кирпичи, изъ которыхъ построены эти мадресѣ, тверды какъ камень, такой же крѣпкій и цементъ, на которомъ они сложены. Часто балки, подпиравшія внутри купола и башни оказываются сгнившими, но зданія все таки стоятъ.

Одинъ сартъ нѣсколько десятковъ лѣтъ работалъ, чтобы изобрѣсти такую же поливу, какая на древнихъ изразцахъ, но его изразцы далеко не похожи на древніе и не такъ ярки.

Къ сожалѣнію самая древнія мадресе, какъ я уже говорилъ, почти разрушены, а сохранившіяся имѣютъ ободранный видъ, такъ какъ путешественники выламывали изъ стѣнъ изразцы. Теперь заштукатурены ободранныя мѣста и мулламъ приказано не позволять трогать изразцы. Тѣмъ не менѣе тѣ же муллы за деньги сами даютъ кусочки изразцовъ.

Почти всѣ памятники Туркестана построены въ арабскомъ стилѣ.

Арабскій стиль представляетъ изъ себя передѣлку стиля византійскаго и болѣе замысловатъ, чѣмъ византійскій. Византійскій же стиль образовался изъ древне-греческаго, такъ называемаго классическаго. Стилемъ называется манера что нибудь дѣлать, въ этомъ же случаѣ, то есть, когда говорятъ объ архитектурѣ, строить.

Въ Самаркандѣ арабскій стиль не такой правильный, какой мы видимъ, напримѣръ, въ Испаніи, гдѣ сохранились образцы зодчества арабовъ.

Гробница Тамерлана.

Ближе всѣхъ къ новому городу памятникъ-гробница Тамерлана, который называется Гури-Миръ. Еще издали, подъѣзжая къ гробницѣ, вы видите ея громадный ребристый куполъ, который напоминаетъ дыню канталупку, на на куполѣ ребра чаще и заостренный верхъ. Ведетъ къ Гури-Миръ аллея-улица, а самый памятникъ окружаетъ садъ изъ громадныхъ деревьевъ. Три ступени подъ аркой, которая замѣняетъ ворота, приводятъ васъ въ этотъ садъ. Арка вся очень красиво выложена изразцами темнаго цвѣта, въ которомъ больше всего синяго.

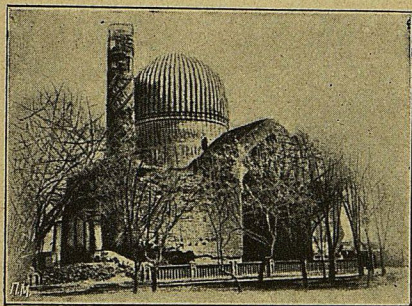
Затѣмъ, черезъ садъ, вы подходите къ самой гробницѣ. Снаружи, отъ основанія до самаго верха купола, она покрыта изразцами, которые ослѣпительно блестятъ на солнцѣ. Какъ и на всѣхъ памятникахъ, низъ почти весь испорченъ, такъ какъ русскіе и вообще путешественники вытаскивали изразцы.

Опредѣлить какой формы былъ мавзолей раньше, почти невозможно, такъ какъ онъ сильно разрушился и въ нѣкоторой сохранности осталась только та часть, гдѣ помѣщается собственно гробница, остальные же пристройки или упали или главное зданіе испорчено пристройками, которыя сдѣланы позже.

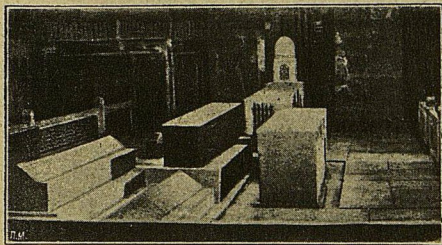

Въ гробницу вы входите черезъ большую арку.

Надъ этой аркой находятся изрѣченія изъ Корана. Они устроены такъ: на изразцахъ были сдѣланы буквы и слова изъ эмали; вотъ эти изразцы, когда строили зданіе, и подобрали такъ, чтобы образовались слова и фразы.

Гури-Миръ.

Гробница Тамерлана въ Мавзолье Гури-Миръ.

Одно изъ изрѣченій я вамъ приведу:

„Сказалъ Богъ благословенный и всевышній: „кто войдетъ сюда, тотъ найдетъ спасеніе“.

Помните, я вамъ говорилъ, что по мусульманскому вѣрованію нельзя угодить Богу больше, чѣмъ выстроить еще при жизни памятникъ надъ могилой? Такая вотъ надпись есть на Гури-Миръ. Я вамъ ее тоже приведу.

„Счастливъ тотъ, кто откажется отъ міра раньше, чѣмъ міръ откажется отъ него, приготовить себѣ могилу раньше, чѣмъ войдетъ въ нее, угодить своему Господу раньше, чѣмъ свидится съ Нимъ“.

Затѣмъ, когда вы входите, направо находится келья одного изъ муллъ, а налево входъ въ корридоръ. Въ этомъ корридорѣ висятъ копіи съ надписей на надмогильныхъ камняхъ, которые находятся въ Гури-Миръ. Эти копіи пишутся краской или тушью отъ руки на большихъ листахъ въ натуральную величину камня. Пишутъ ихъ муллы при помощи кисточекъ. Трудъ этотъ требуетъ много времени и учености, такъ какъ надписи сдѣланы на древнемъ арабскомъ языкѣ.

Изъ этого почти темнаго корридора вы входите въ помѣщеніе подъ куполомъ, гдѣ находятся надмогильные камни. Эта часть Гури-

Миръ чуть-чуть свѣтлѣе корридора и освѣщается четырьмя маленькими окошечками, которыя находятся на двухъ третяхъ высоты всего зданія.

Въ помѣщеніи подъ куполомъ вы видите нѣсколько могильныхъ камней, которые окружены рѣшеткой изъ рѣзного насквозь мрамора; рѣшетка эта очень красива и высотой около аршина.

Въ серединѣ надмогильныхъ камней находится сдѣланный изъ дорогого чернаго нефрита камень Тимура. На немъ надписи, заключающія молитвы, изрѣченія изъ Корана, родословную Тимура, краткую его біографію и похвалы ему.

Я вамъ здѣсь приведу родословную Тамерлана, чтобы вы могли себя представить какъ это писалось.

„Это гробница великаго султана, милостиваго хакана Амиръ-Тимура-Курагана, сына Амиръ-Тарагая, сына Амиръ-Бергулая, сына Амиръ-Айлангира, сына Амиръ-Анджиля, сына Кара-Чарнуяна, сына Амиръ-Сингунгина, сына Амиръ-Ирдамги-Барласа, сына Амиръ-Кагулая, сына Тумнай-хана. Это 9-е поколѣніе“.

Изъ этого вы видите, что на первомъ мѣстѣ имя того, чья родословная, затѣмъ его отца, потомъ—дѣдушки и такъ далѣе.

Вокругъ камня Тамерлана, за той же рѣшеткой, находятся семь камней его родственниковъ, при чемъ у малолѣтнихъ меньше и камни.

За этой же оградой находится на возвышеніи что-то вродѣ маленькой часовенки, сдѣланной изъ мрамора, который прорѣзанъ красивымъ рисункомъ. Эта часовенка предназначена для того, чтобы въ нее ставить поминальныя свѣчи; называется она усѣртъ.

Около нея прикрѣплены два надмогильныхъ знамени, которыя ставятся только надъ могилами знатныхъ людей; называется это знамя тугъ. Состоитъ оно изъ большого шеста, наверху котораго видны остатки какой-то матеріи и конскій хвостъ.

Внѣ рѣшетки, въ южной части зданія, близъ того мѣста, гдѣ мулла совершаетъ утреннюю молитву, намазъ, находится могила духовника Тамерлана. У этой могилы тоже стоитъ тугъ.

Какъ я уже говорилъ, внутри Гури-Миръ полумракъ. Несмотря на это можно видѣть, что внизу стѣны выложены очень красивыми изразцами, повыше изразцовъ стѣны выложены мраморными плитами, на которыхъ высѣчены изрѣченія и рисунки въ видѣ завитковъ; еще

выше, если забраться по приставной лѣстницѣ, можно увидѣть и остатки позолоты.

Нигдѣ въ мечетяхъ вы не увидите изображеній человѣка или животныхъ, такъ какъ Магометъ запретилъ дѣлать такія изображенія, боясь, что магометане сдѣлаются идолопоклонниками. Можетъ быть, вы помните, что Магометъ велѣлъ уничтожить всѣхъ идоловъ въ Кааѣбѣ?

Изъ помѣщенія подъ куполомъ отправимся въ подземелье, которое устроено какъ разъ подъ этимъ мѣстомъ и гдѣ находятся могилы Тамерлана и другихъ, камни которыхъ мы видѣли наверху.

Мулла засвѣтилъ свѣчку и пошелъ впередъ. Крутой лѣстницей спускаемся въ склепъ. Охватываетъ сырость, холодъ и совершенный мракъ, въ которомъ чуть-чуть мелькаетъ свѣчка въ рукахъ муллы. При слабомъ свѣтѣ свѣчки едва можно разглядѣть, что тутъ лежатъ такіе же камни, какъ и наверху и такіе же на нихъ надписи. На камнѣ Тимура ямочка, и мулла предлагаетъ положить въ нее деньги, какъ жертву на свѣчку; вы кладете и вамъ становится жутко: вѣдь тутъ лежитъ повелитель всей Средней Азіи, наводившій ужасъ на всѣ народы.

Мы вышли изъ Гури-Миръ и насъ охватили горячіе и блестящіе лучи южнаго солнца.

Какъ-то я былъ около Гури-Миръ ночью. Свѣтила луна, памятникъ казался темнымъ и какимъ-то чудеснымъ. Кое-гдѣ блестяли изразцы, отражая лунный свѣтъ, а сторона, обращенная къ лунѣ, вся горѣла фосфорическимъ бѣловатымъ свѣтомъ. Казалось, что это замокъ изъ сказокъ тысячи и одной ночи и что я хожу за много, много сотъ лѣтъ назадъ по мусульманскому городу.

Н. Тюринъ.

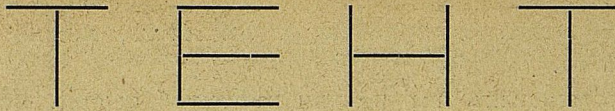
Рѣшенія задачъ, загадокъ и пр.

9=10 (задача шутка).

Приготовишка написалъ на клочкѣ бумаги IX; затѣмъ разорвалъ его пополамъ, перевернулъ и, поставивъ между клочками знакъ сложенія, показалъ удивленнымъ зрителямъ:
IV + VI . —

Задача спичекъ:

Арифметическая задача-шутка: равныя.

Створчатая задача:

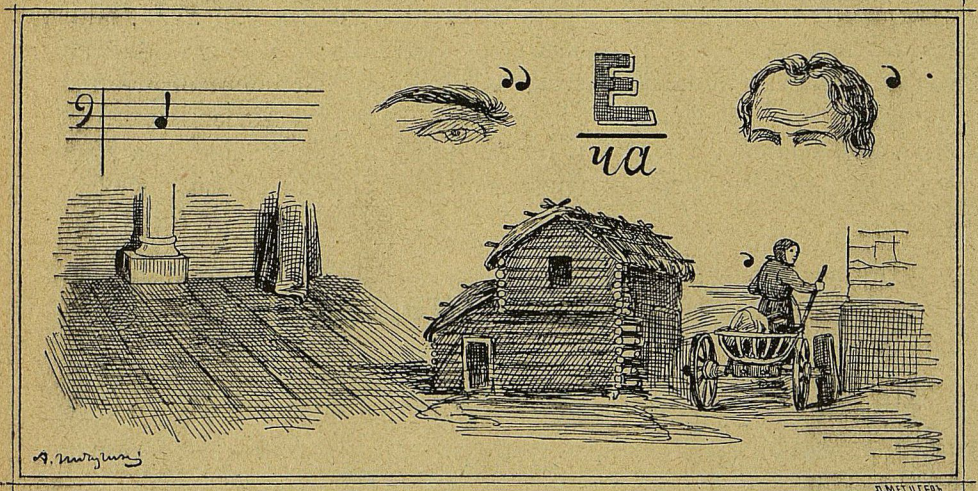
х	ра	м
а	нге	л
д	ѣлені	е
ж	а	р
и	сла	м
а	лепп	о
б	ето	н
р	о	т
е	хидств	о
к	ро	в

Логорифъ:

	п	у	л	е	м	е	т	ь
е	л	и	з	а	в	е	т	а
а	д	ь	ю	т	а	н	т	ь
	ш	у	т	и	х	а		
к	р	о	к	о	д	и	л	ь
е	п	и	с	к	о	п	ь	
	н	а	в	а	г	а		

Ну-ка разгадайте:

Ребусъ № 2.

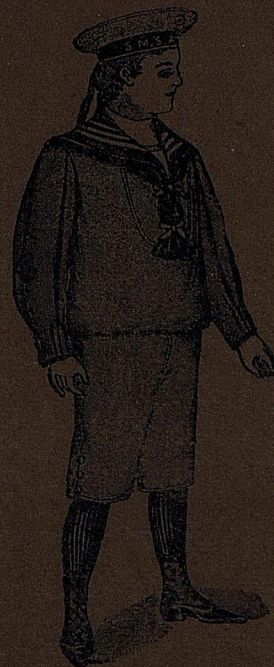

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МЯ

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова; 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-курanty бесплатно.

Открыта подписка на 1908 г.

(2 годъ изданія)

на популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный

журналъ для дѣтей 9—12-лѣтняго возраста.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознаніе молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти и рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ УЧАСТІИ:

Е. Бѣмъ, Н. Бронскаго, Г. Володина, И. Воскобойникова, Н. Гиляровской, Проф. С. Глазенапа, А. Гречанинова, П. Джунковскаго, Н. Клинскаго, В. Комарова, Проф. Н. Кочетова, А. Куприна, Ц. Кюи, Л. Пастернака, Петрова-Леонидова, Л. Чарской, Е. Чирикова, К. Шестакова, Т. Щепкиной-Куперникъ, Н. Якубовскаго и др.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложений.

Подписная цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи, Москва, Малая Лубянка, 18, Телеф. № 15-03, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.